Горы не знали, конечно, может ли простая любовь разразить их вековую стать, и потому, наверное, так нерушимо держались, разрезая высокое небо гордой своей осанкой, непокорной крутой головой.

Акрам сказал, что в горах они передвигаются на риске.

– То камень падает, то «опол-зынь», то вон эти, – показал на постовых сотрудников, шумно обсуждающих свежую утреннюю шутку, – тут до сих пор неспокойно.

– Стреляют?

– Ну… – протянул Акрам, – можно и так сказать.

Мы ехали на старенькой «Приоре» с разбитым лобовым стеклом. Акрам жаловался, как неприятно цокают стойки, и трещит что-то в двигателе. Из последних сил, с диким прокуренным ревом, машина заходила на подъем, и провожатый повторял без устали: «Ай, моя хорошая. Ай, козочка моя, бедная».

Он сказали – кури, если хочешь. По-братски. Я выждал паузу прежде, чем Акрам сам достал сигарету и задымил пахучим пряным табаком.

– Это в Грозном нельзя. А тут на здоровье.

Дорога в Нихалой петляла и кружила, природный щебень тиранил резину колес, крутые обрывы тянули за собой, и кто-то чужой таращился из тяжелых глубин – невидимо, но ощутимо.

Акрам включил музыку, опустил стекла, и вся рать могучих гор достойно расправила твердые плечи пред народной «Нохчи чьо». Чуть заметно подпевал он, не в силах распеться на всю мощь громадной чеченской души. А потом вовсе замолчал. Заметил, как наблюдаю за исполнением.

– Это я так, – улыбнулся Акрам, раскрасневшись, – не смотри. Просто музыка душевная. Такая вот, – раскинул он руки, отпустив руль. Машина задрожала, крутануло корпус. Акрам засмеялся, приговаривая «воу-воу». Я вцепился в ручку двери и от вхождения в резкий поворот чуть не оторвал ту силой напряжения и страха.

– Один риск повсюду, – подтвердил Акрам.

Сколько-то ехали молча, потом опять говорили. «В Нихалое такие водопады, – хвалился провожатый, – упадешь». Падать я не собирался, и еще крепче хватился за ручную опору.

Промчался навстречу тугой внедорожник. Долго провожал его Акрам сквозь боковое зеркало, пока не стала махина черной точкой, слившейся с ухабинами мертвых камней. Дорожная пыль клубилась прочным паром, оседая заметной крошкой на стекле.

Ехали осторожно, впереди ждал очередной подъем.

На обочине заметили горянку. Стояла она совсем одна. Вытянув тонкую руку, окутанную рукавом платья, тормозила редкий попутный транспорт. Низ бесконечной юбки подыгрывал ветру, взметая песочный войлок. Темно-синий платок аккуратно покрывал голову, и, казалось, что большие девичьи глаза светят огненным опалом, покоряя уязвимую мужскую прыть.

Не остановились. На ходу я выглянул в окно. Девушка не опускала руки. Растерянно я посмотрел на Акрама, и тот сердито махнул, запричитав на чеченском.

Успокоились, закурили.

– Ты вот как думаешь? Я почему не остановился возле этой женщины?

– Да понял, Акрам. Она, возможно, принадлежит другому мужчине.

– Совершенно правильно, – обрадовался чеченец. – Это во-первых.

– А во-вторых?

– А во-вторых, откуда ты знаешь, какой у нее умысел? Ты вот думаешь по-русски, по своим родным мыслям. А мы тут по-другому думаем.

Акрам нервничал и вроде как оправдывался, трудно подбирая нужные слова.

– Может быть, у нее там в груди не сердце. А взрывчатка, – выдавил Акрам. – Откуда нам знать.

Он мог бы рассказать, как своими глазами видел такой развод, как пахнет взрыв и свистит последний человеческий выкрик. Всякое сказал бы Акрам, но, снова пустив руль, про-

тер ладонями скулы, будто смахнув с лица грязь, и уже без стеснения запел.

На втором припеве, преодолев подъем, мотор закашлял, тряхануло коробка. «Приору» понесло, Акрам успел крутануть руль, выпрямив перед. Машина заглохла и, продрожав, извиняясь, хлюпнула и умерла.

– Ас хья суна! Кхи нок! – зарычал непонятно Акрам.

Я вышел вслед за ним.

– Ты понял, что? Ты посмотри!

Он с силой пнул по колесу, претерпев боль, и тут же бросился гладить капот, приговаривая: «Как же так, козочка ты моя».

Акрам кружил возле машины, курил без конца и все тарабанил по-чеченски. Узкая дорога, сжатая уходящими вдаль горами, противилась солнцу – сквозило приятной свежестью. Где-то журчала речка, и бил звонкий колокол родника.

Чеченец до боли дергал за подбородок, поросший густой щетиной. Так ему легче думалось. На всякий случай я сказал, что есть деньги. Не стоит расстраиваться.

– Да какие деньги, брат? Какие деньги? – размахивал Акрам.

Ждали встречные машины, но как назло словно растворились они в толще непроходимых гор. Я было намекнул про эвакуатор. Акрам отвернулся – ну, что ты говоришь. Мучительно дохла связь. Шумели в небе черные птицы.

Наконец, он решился и, не сказав ни слова, куда-то зашагал. Вспомнив что ли обо мне, развернулся и крикнул:

– Я пешком до Нихалоя. Тут восемь шагов. Туда восемь. И оттуда восемь.

Еще раз посмотрел на машину. Виновато она глядела уснувшими лампами фар.

Я топтался на месте, всматривался в бугристые горные морщины, сквозные трещины, ребристую ткань. Широкоплечие, наклонив корпус, настороженно осматривали меня, и в любой момент, казалось, готовы были бросить громоздкую россыпь губительных камней.

Но что я мог сделать этим горам. Почему так следили за мной, будто собирался покорить неподкупную их волю, сразить властный стержень их особенной природной силы.

Прошел немного, и снова появились. И не решались оставить прежним, отпустить былым.

С высоты подъема, оказавшегося последним для старой «Приоры», я рассмотрел хрупкие очертания горянки. По-прежнему стояла она, тронутая безлюдьем, не потерявшая надежды дождаться отклика проезжающих машин.

Не оборачиваясь, не замечая пристального взгляда гор, я потопал осторожно вниз, шаг за шагом, боком, не оступиться бы, не повалиться кубарем к укрытым женским ногам.

Она издали заметила, как я приближаюсь, но и с места не сдвинулась. Напротив, будто в землю вросший цветок, покорно стояла и ждала.

Приблизившись, рассмотрел ее долгую прямую спину. Серебро атласной фольги тянулось играючи, пропадая у поясницы. Девушка чувствовала, наверное, мой изучающий взгляд. Знала, о чем думает бесстыжая мужицкая голова. Поправила платок, стряхнула невидимую прядь ворсинок с плеча.

Не выдержала все-таки и обернулась. Напуганный, отошел я на шаг и кивнул, поздоровавшись. Девушка едва заметно наклонила голову, увела глаза. Алым пыхнуло на смуглом ее круглом лице. Я же раскраснелся до неприличного огня, выдающего хоть искренние, но чуждые помыслы.

– У нас тут машина сломалась, – сказал. Девушка не ответила.

Смотрел и смотрел, и знал, что нельзя так смотреть, что посмотри еще хоть полсекунды и придется извиняться. Но было все равно. Что угодно готов был терпеть, о чем угодно молчать, лишь бы смотреть как можно дольше вдаль ее глубоких глаз, на изгибы смоляных бровей, на кант пухлых гранатовых губ.

Хоть кем окажись, думал, хоть в клочья разорви эту землю, только смотри на меня, только знай, как хорошо мне, как безразлично все иное, как бесконечно легко вдруг стало жить.

– Я сам-то неместный. Приехал тут, знаете.

Говорил ненужное, думал о плохом. А вдруг и правда запрятала она гранату под звонкими волнами шелка кружевного платья.

Может, не стало меня вовсе, может, разразился огонь, и умер я. Но если смерть, оказывается, такая, страшна ли она,

страшна ли жизнь, и все, что кроме этой жизни, и смерти этой.

Не услышал звук автобуса, не увидел, как распахнул советский ПАЗик приветливую гармошку двери. Мне бы стоило попросить водителя о помощи, на тросу потянуть убитую «Приору», но сам я был сражен, сам не мог передвигаться.

Горянка заняла место возле окна, и лишь, как дернулся автобус, как стало понятно, что вот сейчас она умчится навсегда, то улыбнулась широко и понятно, кивнула опять чуть заметно, и все закончилось.

Стоял водопад пыли, шумел уходящий автобус, и горы… горы, тронутые отблеском невозможной любви, стонали очарованно от пленившего их, невиданного ранее чувства.